ЗИГМУНД ФРЕЙД
«БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ»

Из психоанализа мы узнали, что сущность процесса вытеснения состоит не в том, чтобы устранить или уничтожить представление, воплощающее в сознании влечение, а в том, чтобы не допустить его до осознания. Тогда мы говорим, что представление находится в состоянии «бессознательного», и можем привести веские доказательства того, что, оставаясь бессознательным, представление все-таки может оказать действия и даже такие, которые в конце концов достигают сознания. Все вытесненное должно оставаться бессознательным, но мы с самого начала установим, что вытесненное не покрывает собою всего бессознательного. Бессознательное имеет более широкий объем: вытесненное составляет часть бессознательного.

Как дойти нам до познания бессознательного? Мы его познаем, разумеется, только как сознательное после того, как оно проделало превращение или переведено в форму, доступную сознанию. Психоаналитическая работа ежедневно дает нам возможность убедиться в том, что такой перевод возможен. Для этого необходимо, чтобы анализируемый преодолел известные сопротивления, а именно те, которые в свое время превратили бессознательное в вытесненное, удалив его из сознания.

ОБОСНОВАНИЕ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО

Наше право допустить психическое бессознательное и научно работать при помощи такого допущения оспаривают с различных сторон. В ответ на это мы можем указать, что допущение бессознательного необходимо и законно и что мы располагаем многими доказательствами существования бессознательного. Такое допущение необходимо, потому что у данных сознания имеется немало пробелов; как у здоровых, так и у больных часто происходят психические акты, для объяснения которых необходимо допустить существование других актов, а между тем в сознании на это нет никакого указания. Такими актами могут быть не только ошибочные действия и сновидения у здоровых, не только все то, что называют психическими симптомами и явлениями навязчивости у больных, - наш личный ежедневный опыт знакомит нас с мыслями, которые приходят нам в голову, но происхождение которых нам неизвестно, и с результатами мыслительной деятельности, о разработке которой мы ничего не знаем. Все эти сознательные акты остались бы

непонятными и не имели бы никакой связи между собой, если бы мы стали настаивать на том, что мы познаем при помощи только нашего сознания все происходящие в нас психические акты; но если мы допустим, кроме того, бессознательные акты, то все наши сознательные акты приводятся в очевидную связь. Однако установление смысла и связи — вполне законный мотив, который в состоянии повести нас дальше, чем непосредственный опыт. Но если при этом еще окажется, что, основываясь на таком допущении бессознательного, мы с успехом и целесообразно можем влиять на течение сознательных процессов, то в этом успехе мы имеем неопровержимое доказательство существования предположенного нами бессознательного. Тогда приходится признать требование, чтобы все происходящее в психической области обязательно было известно сознанию — недопустимым высокомерием.

Можно пойти еще дальше и в доказательство существования бессознательного психического состояния указать, что сознание в каждый данный момент охватывает только очень небольшое содержание, благодаря чему большая часть того, что мы называем сознательным знанием, и без того должна продолжительное время находиться в состоянии латентности, следовательно, психической бессознательности. Принимая во внимание все наши латентные воспоминания, мы совершенно не понимаем возражений против бессознательного. Мы встречаем далее возражения, что эти латентные воспоминания нельзя называть психическими, что они соответствуют только остаткам соматических процессов, из которых снова происходит психическое. В таком случае напрашивается возражение, что наоборот, латентное воспоминание является несомненным остатком психического процесса. Но гораздо важнее уяснить себе, что в основе этого возражения лежит невысказанное предубеждение о тождестве сознательного с психическим. Это отождествление является petitio principii, не допускающее вопроса о том, должно ли все психическое быть сознательным, или это вопрос условности номенклатуры. В последнем случае такое отождествление является условностью, которую невозможно опровергнуть. Но тогда остается открытым вопрос: «Так ли оно целесообразно, что следует его придерживаться?» На это можно ответить, что такое отождествление психического с сознательным оказывается абсолютно нецелесообразным. Оно нарушает психическую непрерывность, ввергает нас в неразрешимые трудности психофизического параллелизма, вызывает упрек в том, что без достаточных оснований переоценивают роль сознания и заставляют нас слишком скоро покинуть область чисто психологического исследования, в то же время не вознаграждая нас в других областях. И все-таки ясно, что вопрос о том, должны ли мы понимать несомненные латентные состояния душевной жизни как бессознательные психические или как физические, рискует превратиться в спор о словах. Целесообразнее поэтому выдвинуть на первый план то, что нам вполне точно известно о природе этих спорных состояний. И вот, что касается их

физических признаков, то они нам совершенно недоступны; ни одно физиологическое представление, ни один химический процесс не может дать нам понятия об их сущности. А с другой стороны, несомненно, что они имеют самое широкое соприкосновение с сознательными душевными процессами: при помощи известной работы их можно превратить в сознательные, заменить этими последними, и они могут быть описаны посредством всех тех категорий, которые мы применяем к сознательным душевным актам: к представлениям, стремлениям, решениям и т. п. А относительно некоторых из этих латентных состояний мы в состоянии даже утверждать, что они отличаются от сознательных только отсутствием сознательности. Поэтому, не колеблясь, мы будем на них смотреть как на объекты психологического исследования и рассматривать их в самой тесной связи с сознательными душевными актами.

Упорное отрицание психического характера латентных душевных актов объясняется тем, что большинство феноменов, о которых идет речь, не были предметом специального изучения помимо психоанализа. Тому, кто не знает патологических фактов, кто ошибочные действия нормальных людей считает случайностями и довольствуется старой мудростью, что сны - морская пена, остается только игнорировать несколько загадок в психологии сознания, и тогда незачем будет допускать бессознательную деятельность. Впрочем, гипнотические эксперименты, особенно же постгипнотическое внушение еще до появления психоанализа, наглядно доказали существование и образ действия психического бессознательного.

Но допущение бессознательного также вполне законно, поскольку мы при этом не отступали ни на шаг от нашего обычного, считающегося корректным образа мыслей. Сознание каждому из нас сообщает знание только собственных душевных состояний; то, что и другой человек имеет сознание, является заключением по аналогии на основании воспринятых проявлений и поступков другого для того, чтобы сделать нам понятным поведение другого. (Психологически правильнее сказать, что мы без рассуждения приписываем всякому другому нашу собственную конституцию, а следовательно и наше сознание, и что это отождествление обусловливает наше понимание.) Это заключение, или это отождествление, «Я» распространяло на всех других людей, животных, растения, неодушевленную природу и на весь мир, и оно до тех пор было целесообразно, пока сходство с индивидуальным «Я» преобладало над всем; но оно становилось недопустимым, по мере того как все остальное отдалялось от «Я». Наша современная критика теряет уверенность уже при вопросе о сознании животных, отказывает в сознании растениям, а допущение сознания у неодушевленной природы относит к области мистики. Но и там, где первоначальная склонность к отождествлению устояла перед критическим исследованием, у ближнего - другого человека допущение бессознательного является результатом умозаключения и не соответствует непосредственной уверенности нашего собственного

сознания.

Психоанализ требует только того, чтобы такой же метод заключения был применен и к собственной личности, к чему, однако, не имеется конституциональной склонности. Если поступить так, то приходится сказать, что все акты и проявления, которые я замечаю у самого себя и не знаю, как их связать с остальной моей психической жизнью, должны оцениваться так, как будто бы они принадлежали другому лицу и объяснялись приписываемой этому лицу душевной жизнью. Опыт показывает, что те же самые акты, которые у самого себя отказываешься признать психическими, хорошо умеешь истолковать у других людей, т. е. ввести их в их общую душевную связь. Наше исследование, очевидно, в этом случае отвлекается от самого себя благодаря особому препятствию, и правильное познание самого себя натыкается на помеху.

Несмотря на внутреннее сопротивление, метод заключения, направленный против самого себя, ведет не к открытию бессознательного, а, строго говоря, к допущению другого сознания, соединенного в моем лице с уже известным мне сознанием. Тут, однако, критика находит вполне правильный повод к возражению. Во-первых, сознание, о котором сам носитель его ничего не знает, представляет из себя все-таки не что иное, как чужое сознание, и возникает вопрос - заслуживает ли вообще обсуждения такое сознание, лишенное самого важного своего признака. Тот, кто противился допущению бессознательного психического, не удовлетворится тем, что заменит его бессознательным сознанием. Во-вторых, анализ показывает, что отдельные латентные душевные процессы, о которых мы заключаем, пользуются в высшей степени независимостью друг от друга, как будто бы они не находились ни в какой связи один с другим и ничего не знали один о другом.

Мы должны поэтому (быть готовы к тому, чтобы) допустить не только второе сознание, но и третье, и четвертое, может быть бесконечный ряд состояний сознания, из которых каждое неизвестно ни нам, ни одно другому. В-третьих, как самый веский довод нужно принять во внимание установленный психо- аналитическим исследованием факт, что часть этих латентных процессов обладает признаками и особенностями, кажущимися нам чуждыми и невероятными и прямо противоречащими известным нам свойствам сознания. Поэтому у нас имеется основание изменить направленное против самого себя заключение в том смысле, что оно доказывает существование в нас не второго сознания, а психических актов, лишенных сознательности. Мы отклоним также название «подсознательное» как неправильное и вводящее в заблуждение. Известные случаи «double conscience» (раздвоение сознания) не противоречат нашему пониманию. Их можно вполне правильно описать как случай разделения душевной деятельности на две группы, причем одно и то же сознание по очереди обращается то к одному, то к другому лагерю.

В психоанализе нам не остается ничего другого, как объявить душевные процессы

сами по себе бессознательными и сравнить восприятие их сознанием с восприятием органами чувств внешнего мира. От такого сравнения мы надеемся получить некоторое преимущество для нашего познания. Психоаналитическое допущение бессознательной душевной деятельности кажется нам, с одной стороны, дальнейшим развитием примитивного анимизма, показывающего нам повсюду образы и подобия нашего сознания, а с другой стороны - продолжением корректуры, которую внес в наше понимание внешних восприятий Kant. Подобно тому, как Kant нас предупредил, чтобы мы всегда принимали во внимание субъективную условность нашего восприятия и никогда не считали наше восприятие вполне тождественным с неподдающимся познанию воспринимаемым, так и психоанализ предупреждает нас, чтобы мы не отождествляли восприятие сознания с бессознательным психическим процессом, который является объектом этого сознания. Подобно физическому, и психическое не должно быть в действительности непременно таким, каким оно нам кажется, но мы рады будем узнать, что корректура внутреннего восприятия не представит такой большой трудности, как внешнего, что внутренний объект легче познать, чем внешний мир.

МНОГОЗНАЧНОСТЬ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО

Прежде чем продолжать, мы установим тот важный, но и ставящий нас в затруднительное положение факт, что бессознательность является только признаком психического, однако, никоим образом не характеризующим его. Встречаются психические акты самого различного значения, но обладающие этим одинаковым признаком бессознательности. Бессознательное содержит, с одной стороны, акты только латентные, временно бессознательные, а во всем прочем ничем не отличающиеся от сознательных, а с другой стороны - вытесненные, которые отличались бы самым резким образом от остальных сознательных, если бы проникли в сознание. Всем недоразумениям был бы положен конец, если бы при описании самых различных психических актов мы не обращали внимания на то, сознательны они или бессознательны, а классифицировали бы их и устанавливали бы между ними связь только в зависимости от их отношений к влияниям и целям и от их состава и принадлежности друг к другу. Но это невозможно сделать по различным причинам, а потому мы не в состоянии избежать двусмысленности, употребляя слова сознательный и бессознательный то в описательном смысле, то в систематическом в тех случаях, когда они означают принадлежность к определенным системам или обладают известными свойствами. Можно было бы еще сделать попытку избежать путаницы, давая произвольные названия установленным психическим системам, в которых признак сознательности не указывается.

Но в таком случае следовало бы заранее точно определить, на чем основывается различие систем, а при этом не было бы возможности обойти вопрос о сознательности, так как он является исходным пунктом всех наших исследований. Может быть, некоторую помощь можно ожидать от предложения, по крайней мере письменно, заменять сознание буквами Bw, а бессознательное соответствующим сокращением Ubw, если мы употребляем оба слова в систематическом смысле.

ТОПИЧЕСКАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ

При позитивном изложении мы указываем как на результат психоанализа на то, что психический акт в общем проходит через две фазы различных состояний, между которыми включено своего рода испытание (цензура). В ***первой фазе*** всякий психический акт бессознателен и принадлежит к системе Ubw; если цензура при испытании его отвергает, то ему закрыт переход во ***вторую фазу,*** - он тогда называется «вытесненным» и должен оставаться бессознательным. Если же он выдерживает испытание, то он переходит во ***вторую фазу***, входит в состав второй системы, которую мы назовем Bw. Но отношение этого акта к сознанию еще не вполне определяется принадлежностью к системе. Он еще не сознателен, но способен проникнуть в сознание (по выражению J. Breuer'a) (Bewusstseinsfahig), т. е. при совпадении известных условий он может без особого сопротивления стать объектом сознания. Принимая во внимание эту способность проникнуть в сознание, мы назовем систему Bw также «предсознательным». Если бы оказалось, что осознание предсознательного определяется посредством известной цензуры, то мы будем строже отделять одну от другой системы Vbw от Bw. Пока достаточно помнить, что система Vbw имеет те же особенности, что и система Bw, и что строгая цензура стоит на страже при переходе из Ubw к Vbw (или Bw).

С принятием этих (двух или трех) психических систем психоанализ отдалился еще на один шаг от описательной психологии и обогатился новым содержанием и новой постановкой вопроса. До настоящего времени психоанализ отличался от психологии преимущественно динамическим пониманием душевных процессов; теперь прибавляется еще то, что он принимает во внимание и психическую топику и стремится указать, в пределах какой системы или между какими системами протекает любой психический акт. Благодаря этому стремлению он получил название глубинной психологии (Tiefenpsycholo-gie). Дальше мы услышим, что он может быть обогащен еще и другой точкой зрения.

Если мы серьезно отнесемся к топике психических актов, то мы должны обратить внимание на возникающее в этом месте сомнение. Если какой-нибудь психический акт

(ограничимся здесь актом, состоящим из одного представления) испытывает превращение из системы Ubw в систему Bw (Vbw), то следует ли нам предполагать, что вместе с этим превращением связана новая фиксация, как бы вторичная запись означенного представления, которая, следовательно, может иметь место в новой психической локальности, и первоначальная бессознательная запись сохраняется наряду с этой новой? Или нам следует полагать, что это превращение состоит в изменении состояния, которое совершается над тем же материалом и над тою же локальностью? Этот вопрос может показаться нелепым, но должен быть поднят, если мы хотим составить себе определенное представление о психической топике и о психической глубине. Это вопрос трудный, потому что он выходит за пределы чистой психологии и касается отношения душевного аппарата к анатомии. Мы знаем, что в самом грубом виде такие отношения существуют. Непоколебимым результатом исследования явился тот факт, что душевная деятельность связана исключительно с функцией мозга. Однако неизвестно, насколько далеко ведет нас открытие неравноценности различных частей мозга и их исключительные отношения к определенным частям тела и к определенным видам психической деятельности. Но все попытки открыть более детальную локализацию душевных процессов, все старания вообразить себе, как представления накапливаются в нервных клетках, а возбуждения идут по нервным волокнам, окончились полной неудачей. Такая же судьба постигла бы учение,) которое пыталось бы определить анатомическое положение системы Bw, сознательной душевной деятельности, в мозговой коре, а бессознательные душевные процессы в субкортикальных частях мозга. Тут имеется пробел, заполнение которого пока невозможно, и это не входит в задачи психологии. Наша психическая топика пока не имеет ничего общего с анатомией. Она относится к областям душевного аппарата независимо от их местоположения в теле, а не к анатомическим локализациям.

Наша работа в этом отношении свободна и может вестись дальше согласно собственным требованиям. Нам следует также твердо помнить, что наши предположения пока имеют значение подсобных для большей наглядности. Первая из возможностей, которая должна быть принята во внимание, а именно, что сознательная фаза представления означает новую запись на новом месте, несомненно более груба, но и более удобна. Второе предположение, состоящее в функциональном изменении состояния, более вероятно, но оно менее пластично, и им труднее оперировать. С первым топическим предположением связано топическое разделение систем Ubw и Bw и возможность одновременного существования какого-нибудь представления в двух местах психического аппарата; возможно даже, что если какое-нибудь представление не задерживается цензурой, то оно всегда продвигается с одного места к другому, причем иногда не теряет своего первого местонахождения или записи. Это может казаться странным, но оправдывается впечатлениями из психоаналитической

практики.

Если говоришь пациенту об угаданном в свое время вытесненном им представлении, то сначала ничего не меняется в его психическом состоянии. Главное же то, что этим не уничтожается вытеснение и не устраняются его последствия, как можно было ждать, оттого что неизвестное прежде представление стало известным. Наоборот, сперва получается только новое отклонение вытесненного представления. У пациента действительно имеется теперь то же представление в двух формах в различных местах его душевного аппарата: во-первых, он имеет сознательное воспоминание со слов аналитика благодаря сообщению представления, во-вторых, как нам точно известно, он сохраняет в себе в прежней форме бессознательное воспоминание о пережитом. В действительности вытеснение уничтожается не прежде, чем сознательное представление, преодолев сопротивление, вступает в связь с бессознательным воспоминанием. Успех достигается только тогда, когда именно это последнее становится сознательным. Таким образом, при поверхностном рассуждении может показаться доказанным, что сознательные и бессознательные представления составляют различные и в топическом отношении обособленные записи одного и того же содержания. Но ближайшее соображение показывает, что тождественность сообщенного и вытесненного воспоминания пациента только кажущаяся. То, что слышишь, и то, что переживаешь, по психологической природе своей совершенно различные вещи даже в том случае, если они имеют одно и то же содержание.

Мы пока не в состоянии решить, какая из двух указанных возможностей приемлема более. Может быть, мы позже встретимся с моментами, которые разрешат вопрос в пользу одной из этих двух возможностей. Может быть, нам предстоит еще открыть, что сама наша постановка вопроса была неправильной и что различие между бессознательными и сознательными представлениями нужно определить совсем иначе.

ИМЕЮТСЯ ЛИ БЕССОЗНАТЕЛЬНЫЕ ЧУВСТВА

В изложенных выше рассуждениях мы ограничились представлениями и теперь можем возбудить новый вопрос, ответ на который должен способствовать выяснению наших теоретических взглядов. Мы сказали, что бывают сознательные и бессознательные представления; но встречаются ли бессознательные влечения, чувства, ощущения, или же нет никакого смысла сопоставлять такие понятия?

Я и в самом деле думаю, что противоположность сознательного и бессознательного не находит применения по отношению к влечению. Влечение никогда не может быть объектом

сознания, им может быть только представление, отражающее в сознании это влечение. Но и в бессознательном влечение может быть отражено не иначе как при помощи представления. Если бы влечение не связывалось с каким-нибудь представлением и не проявлялось как состояние аффекта, то мы не могли бы о нем ничего знать. И если мы все-таки говорим о бессознательном влечении или о вытесненном влечении, то это только безобидная небрежность выражения. Под этим мы можем понимать только такое влечение, которое отражено в психике бессознательным представлением, и ничего другого под этим не подразумевается.

Можно было подумать, что также легко дать ответ на вопрос о бессознательных чувствах, ощущениях и аффектах. Ведь сущность чувства состоит в том, что оно чувствуется, т. е. известно сознанию. Возможность бессознательности совершенно отпадает таким образом для чувств, ощущений и аффектов. Но в психоаналитической практике мы привыкли говорить о бессознательной любви, ненависти, ярости и т. д. и считаем неизбежными странное соединение «бессознательное сознание вины» или парадоксальный бессознательный страх. Имеет ли это выражение более широкое значение, чем в случае «бессознательного влечения»?

В данном случае положение вещей действительно другое. Во-первых, может случиться так, что какой-нибудь аффект или чувство воспринимается, но не узнается. Благодаря вытеснению соответствующего представления, отражавшего его в сознании, это чувство или аффект вынуждены вступить в связь с другим представлением и принимаются сознанием за выражение этого последнего. Если мы восстанавливаем правильную связь, то называем первоначальный аффект бессознательным, хотя он никогда и не был бессознательным, а вытеснению подпало только соответствующее ему представление. Употребление выражения «бессознательные аффекты чувства» вообще указывает на судьбу количественного фактора влечения вследствие вытеснения (см. статью о вытеснении). Нам известно, что судьба эта может быть троякого рода: или аффект сохраняется полностью, или частично, как таковой, или он испытывает превращения в другой по своему качеству аффект, скорее всего, в страх, или он подавляется, т. е. его развитие вообще задерживается. (Эти возможности, может быть, еще легче изучать при работе сновидений, чем при неврозах.) Мы знаем также, что подавление развития аффекта составляет цель вытеснения и что работа вытеснения остается незаконченной, если эта цель не достигается. Во всех случаях, когда вытеснению удается задержать развитие аффекта, мы называем «бессознательными» те аффекты, которые восстанавливаем при уничтожении работы вытеснения. Нельзя поэтому отказать в последовательности такому выражению, но в сравнении с бессознательным представлением оно отличается тем, что бессознательное представление после вытеснения сохраняется в системе Ubw как реальное образование; между тем как бессознательному

аффекту в этой же системе соответствует только зародыш аффекта как возможность, не получившая дальнейшего развития. Строго говоря, хотя выражение остается безупречным, бессознательных аффектов в том смысле, в каком встречаются бессознательные представления, не бывает. Но весьма возможно, что в системе Ubw встречаются аффекты, которые наряду с другими становятся сознательными. Все различие происходит от того, что представления являются в сущности следами воспоминаний, между тем как аффекты и чувства соответствуют процессам израсходования энергии, конечное выражение которых воспринимается как ощущение. При настоящем состоянии наших знаний об аффектах и чувствах мы не можем яснее выразить это различие. Особый интерес представляет для нас тот факт, что вытеснению иногда удается задержать превращение влечения в аффект. Этот факт показывает нам, что при нормальных условиях система Bw господствует над аффективностью, как и над путями к двигательной области, и повышает значение вытеснения, показывая, что следствием вытеснения может быть не только недопущение в сознание, но и недопущение как развития аффекта, так и мотивировки мускульной деятельности. ***Иначе говоря, мы можем дать обратное описание факта: пока система Bw сохраняет свое господство над аффективностью и движениями, мы называем психическое состояние индивида нормальным***. Однако различие отношений господствующей системы к обоим близко стоящим друг к другу способам оттока энергии вполне очевидно[1]. В то время как власть Bw над произвольной моторной областью твердо обоснована и обычно может устоять против натиска невроза, но терпит крушение только при психозе, над развитием аффективности власть Bw менее тверда. Уже в пределах нормальной жизни легко можно наблюдать постоянную борьбу систем Bw и Ubw за примат в аффективности, можно видеть, как определенные сферы влияния отграничиваются одна от другой и силы, действующие в этих системах, сливаются.

Значение системы Bw (Vbw) по отношению к путям проявления аффектов и действий делает нам понятным роль, которая выпадает на долю замещающего представления при образовании болезни. Возможно, что развитие аффекта исходит непосредственно из системы Ubw, и в таком случае этот аффект имеет всегда характер страха, в который превращаются все «вытесненные» аффекты. Но часто влечению приходится ждать, пока оно находит замещающее представление в системе Bw. В таком случае развитие аффектов может исходить из этого сознательного замещения и природа его определяет качественный характер аффекта.

Мы утверждали, что при вытеснении имеет место отделение аффекта от своего представления, после чего обоих постигает различная участь. С описательной точки зрения

[1] Аффективность выражается по существу в моторном (секреторном, регулирующем кровеносную систему) оттоке энергии, ведущем к (внутреннему) изменению самого тела без отношения к внешнему миру; моторность выражается в действиях, назначение которых - изменение во внешнем.

это неоспоримо; но действительный процесс протекает обычно так, что аффект не проявляется до тех пор, пока ему не удается прорваться к какому-нибудь новому замещению в системе Bw.

ТОПИКА И ДИНАМИКА ВЫТЕСНЕНИЙ

Мы пришли к тому результату, что вытеснение является по существу процессом, совершающимся над представлениями на границе Ubw, Vbw (Bw); а теперь мы можем сделать новую попытку более подробного описания этого процесса. При этом речь может идти об отнятии (Entziehung) активной силы[2] (Besetzungen), и возникает вопрос, в какой системе имеет место это отнятие и к какой системе принадлежит отнятая активность.

Вытесненное представление остается в Ubw способным к активности; оно, следовательно, должно сохранить свою активную силу. Отнятое должно состоять в чем-то другом. Возьмем, например, случай собственно вытеснения — подталкивания (Nachdrangen), происходящего с предсознательным или даже с осознанным представлением; вытеснение может в таком случае

состоять в том, что у представлений отнимается предсознательная активность, принадлежащая системе Vbw. Представление остается тогда без активности или получает ее из бессознательного, или сохраняет ту бессознательную активность, которую уже имело раньше. Следовательно, происходит отнятие предсознательной и сохранение бессознательной активности или замена предсознательной активности посредством бессознательной. Заметим, кстати, что мы непреднамеренно положили в основу этого рассуждения предположения, что переход из системы Ubw в ближайшую систему происходит не посредством новой записи, а посредством изменения состояния, перемены в активной энергии. Функциональное предположение в данном случае без труда одержало верх над топическим.

Этот вопрос отнятия либидо, однако, недостаточен, чтобы объяснить другую особенность вытеснения. Невозможно понять, почему бы представлению, сохранившему свою активность или получившему ее из Ubw, не возобновить попытки проникнуть в систему Vbw благодаря своей активности. В таком случае должно было бы повториться

[2] «Besetzung», введенный Фрейдом, непереводимый на русский язык термин, смысл которого заключается в следующем: для того чтобы какое-нибудь понятие или воспоминание стало активным (Besetzt), деятельным, оно должно быть «снабжено» - besetzt - известным количеством аффективной, либидозной или исходящей из влечений „Я" энергии (интерес); другими словами, присоединение к представлению или воспоминанию либидозного или другого интереса — что Фрейд называет Besetzung - придает им активность, действенность. Придерживаясь общего смысла фразы, слово Besetzung можно перевести как привязанность (к объекту), либидо или же как активную силу (активность) как следствие такой привязанности.

отнятие либидо, и та же игра продолжалась бы бесконечно, но в результате не было бы вытеснения. Таким же образом оказался бы несостоятельным описанный механизм отнятия предсознательной активной энергии и в том случае, если бы дело касалось первичного вытеснения; в этом случае мы имели бы дело с бессознательным представлением, не получившим еще активности из Vbw и у которого она поэтому и не может быть отнята.

Здесь нам нужно представить себе другой процесс, который в первом случае поддерживает вытеснение, а во втором - создает и сохраняет его. Такой процесс мы можем видеть только в предположении противодействия (Gegen besetzung), посредством которого система Vbw защищается от натиска бессознательного представления. На клинических примерах мы увидим, в чем выражается такого рода противодействие, развивающееся в системе Vbw. Это противодействие представляет собой постоянное усилие, создающее первичное вытеснение и обеспечивающее длительность этого вытеснения. Такое противодействие составляет механизм первичного вытеснения; при собственном вытеснении (подталкивание) присоединяется еще отнятие предсознательной активности. Весьма возможно, что именно та энергия, которая отнимается у представления, истрачивается на это противодействие.

Заметим, что при описании психических феноменов мы постепенно дошли до выявления, помимо динамической и топической, еще третьей, экономической точки зрения, стремящейся к тому, чтобы проследить судьбы количеств возбуждений и получить возможность, по крайней мере относительно, их оценивать. Мы находим нужным обозначать особым названием точку зрения, являющуюся завершением психоаналитического исследования. Я предлагаю назвать метапсихологическим такое описание психического процесса, при котором нам удается описать этот процесс в динамическом, топическом и экономическом отношениях. Наперед можно сказать, что в настоящем состоянии наших научных взглядов нам это удастся только в некоторых случаях.

Сделаем робкую попытку дать метапсихологическое описание процесса вытеснения при трех известных нам «неврозах перенесения». При этом можем заменить «активную энергию» понятием «либидо», потому что, как мы знаем, речь идет о судьбах сексуальных влечений.

При истерии страха часто не замечается первая фаза процесса; может быть, она и действительно пропускается, но при тщательном наблюдении ее легко различить. Состоит она в том, что наступает страх, хотя и незаметно, по какой причине. Можно предположить, что в Ubw имелось любовное чувство, требовавшее перехода в систему Vbw; но направленная со стороны этой системы к означенному любовному движению активность как бы обращается в бегство, снова отнимается, и бессознательное либидо отвергнутого представления проявляется в виде страха. В случаях повторения этого процесса

предпринимается первый шаг к тому, чтобы преодолеть это неприятное развитие страха. Эта отнятая активность соединяется с замещающим представлением, которое, с одной стороны, ассоциативно связано с отвергнутым представлением, а с другой стороны, благодаря отдаленности от него, осталось невытесненным (замена посредством сдвига)(Ver-schiebungsersatz) и допускает рационализацию еще не

поддающегося задержке страха. Замещающее представление играет в системе Bw (Vbw) роль противодействия благодаря тому, что защищает Bw от возникновения в нем вытесненного представления; с другой стороны, теперь оно является исходным пунктом совершенно несдерживаемого аффекта страха и сопровождается соответствующим аффективным тоном. Клиническое наблюдение показывает, например, что ребенок, страдающий фобиями животных, испытывает страх в двух случаях: во-первых, когда усиливается вытесненное любовное чувство, и, во-вторых, когда он видит животное, внушающее страх. Замещающее представление в одном случае играет роль передаточного места из системы Ubw в систему Bw, а в другом случае - самостоятельного источника развития страха. Расширение власти системы Bw обыкновенно выражается в том, что первый способ возбуждения, замещающего представления, все больше переходит во второй. Может быть, в конце концов ребенок ведет себя так, как будто он совсем не имеет никакой привязанности к отцу, совсем освободился от его влияния и действительно боится животного. Но дело в том, что этот страх перед животным поддерживается бессознательными влечениями, почему он оказывается слишком сильным и неподдающимся никаким воздействиям из системы Bw - чем и выдает свое происхождение из системы Ubw.

Противодействие (Gegenbesetzung) со стороны системы Bw привело, таким образом, во второй фазе развития истерии страха к появлению замещающего образования. Тот же механизм скоро опять находит применение. Как нам известно, процесс вытеснения еще не закончился, у него возникает новая цель в виде задачи сдержать развитие страха, исходящего из этого замещающего представления. Это происходит следующим образом: все близкие к замещающему представлению ассоциации приобретают особенную интенсивность, благодаря чему становятся особенно чувствительными ко всякому возбуждению. Возбуждение какого-нибудь места в этом охранительном заграждении должно дать повод к развитию небольшого страха вследствие связи с замещающим представлением. Этот страх служит сигналом к тому, чтобы посредством вторичного бегства активной энергии сдержать дальнейшее развитие страха. Чем дальше от внушающего страх заменяющего представления воздвигаются чувствительные и бдительные противодействия, тем точнее может функционировать механизм, назначение которого изолировать это замещающее представление и устранять от него новые возбуждения. Эти меры предосторожности охраняют, разумеется, только против таких возбуждений, которые проникают к

замещающему представлению извне посредством восприятия, но они никогда не могут защитить замещающее представление от возбуждений, исходящих от влечений, которые проникают к замещающему представлению через посредство его связи с вытесненным представлением. Они поэтому начинают действовать только тогда, когда замещающее представление окончательно заменило вытесненное в сознании; но нельзя быть уверенным в том, насколько они действительны. При первом же усилении возбуждений влечений предохранительное заграждение вокруг заменяющего представления должно быть продвинуто дальше. Вся конструкция, выдвигаемая аналогичным образом, и при других неврозах носит название фобии. Выражением бегства перед сознательным активированием (Besetzung) заменяющего представления являются отказы, запреты, старания избегать того или другого, составляющие признаки истерии страха. Если сделать обзор всего этого процесса, то можно сказать, что третья фаза повторила в увеличенном размере работу второй фазы. Система Bw защищается от активирования, заменяющего представления, противодействием всех близких ассоциаций, подобно тому как оно раньше защищалось от возникновения вытесненного представления перенесением активности на заменяющее представление. Образование замены посредством сдвига, таким образом, не прекращается. Необходимо еще прибавить, что сначала система Bw имела маленькое место, служившее брешью для прорыва вытесненного влечения, а именно - одно только заменяющее представление; но что, в конце концов, вся эта фобическая надстройка соответствует изоляции влияния бессознательного. Далее следует подчеркнуть еще и ту интересную точку зрения, что благодаря всему этому пущенному в ход механизму отражения достигается проекция во вне опасности, исходящей от влечения. «Я» держится так, как будто опасность развития страха угрожает ему не со стороны влечения, а со стороны внешнего восприятия, и оно может поэтому реагировать на эту внешнюю опасность бегством в форме фобических мероприятий. Одно достигается при этом процессе вытеснения: до известной степени удается сдержать развитие страха, но ценою тяжелых жертв - личной свободой. Однако попытки бегства перед требованиями влечений оказываются в общем бесполезными, а потому результат фобического бегства все-таки мало удовлетворителен.

Большая часть обстоятельств, открытых нами при истерии страха, относится также к двум другим неврозам, так что в дальнейших рассуждениях мы можем ограничиться рассмотрением различий и роли противодействия (Gegenbesetzung). При конверсионной истерии энергия влечения вытесненного представления превращается в иннервацию симптома. Вопрос о том, поскольку и при каких условиях благодаря такому оттоку энергии в иннервацию дренируется бессознательное представление, так что оно может прекратить свой нажим на систему Bw, и другие подобные вопросы лучше оставить для специального исследования истерии. Роль противодействия (Gegenbesetzung), исходящего из системы Bw

(Vbw), совершенно ясна при конверсионной истерии и проявляется в образовании симптома. От противодействия зависит выбор части психического коррелята влечений, на которой концентрируется вся активная сила. Избранная для образования симптома часть должна удовлетворять требованию, одновременно выражать как цель желания влечения, так и противодействия или стремления к наказанию системы Bw; эта часть получает двойной приток активной силы и поддерживается с двух сторон, подобно замещающему представлению при истерии страха. Отсюда сам собой напрашивается вывод, что трата энергии на вытеснение со стороны системы Bw не должна быть так велика, как энергия активности (Besetzungsenergie), потому что сила вытеснения измеряется необходимым противодействием, а симптом опирается не только на противодействие, но также и на сконцентрированную в нем активность влечения из системы UЬw.

Относительно невроза навязчивости мы можем прибавить к изложенным выше замечаниям только то, что при нем противодействие системы Bw явственнее всего выступает на первый план; именно оно, организованное как реактивное образование, совершает первое вытеснение, и на нем же впоследствии происходит обратный прорыв вытесненного представления. Есть основание предполагать, что преобладающая роль противодействия и отсутствие оттока энергии являются причиной того, что при истерии страха и неврозе навязчивости вытеснение оказывается менее удачным, чем при конверсионной истерии.

ОСОБЕННЫЕ СВОЙСТВА СИСТЕМЫ UBW

Особое значение получает подразделение на две психические системы, если мы обратим внимание на то, что процессы, происходящие в одной системе Ubw, обладают такими свойствами, каких нет в ближайшей высшей системе.

Ядро Ubw состоит из психического коррелята влечений, которые стремятся дать выход своей энергии, т. е. из желаний. Эти влечения координированы одно с другим, существуют рядом, не оказывая влияния друг на друга, и не противоречат друг другу. Если становятся одновременно активными два таких желания, цели которых должны казаться несовместимыми, то эти оба душевных движения не отдаляются одно от другого и не уничтожают одно другое, а объединяются для образования средней цели, компромисса.

В этой системе нет отрицания, нет сомнения, нет различных степеней достоверности. Все это привносится благодаря деятельности цензуры между Ubw и Vbw. Отрицание представляет собой замену вытеснения более высокой ступени. В бессознательном имеются только в большей или меньшей степени активные содержания.

Господствует гораздо большая подвижность интенсивности активной силы, благодаря процессу сдвига (Verschiebung) одно представление может передать все количество своей активной силы другому, благодаря сгущению (Verdichtung) оно может сконцентрировать на себе всю активность многих представлений. Я предложил смотреть на оба эти процесса как на признаки так называемого психического первичного процесса (Primarvorgang). В системе Vbw господствует вторичный процесс (Sekimdarvorgang);[3] там, где такой первичный процесс может разыграться на элементах системы Vbw, он кажется комическим и вызывает смех.

Процессы системы Ubw находятся вне времени, т. е. они не распределены во временной последовательности, с течением времени не меняются, вообще не имеют никакого отношения ко времени. Отношения во времени также связаны с системой B w. Процессы Ubw также мало принимают во внимание реальность. Они подчинены принципу наслаждения; судьба их зависит только от того, насколько они сильны и отвечают ли они требованиям регулирования наслаждения - неудовольствия (Lust—Unlust).

Итак, повторим: отсутствие противоречия, первичный процесс (подвижность активной силы), течение вне времени и замена внешней реальности психической - таковы признаки, которые мы можем найти в процессах, относящихся к системе U b w. (2)Мы узнаем бессознательные процессы только при условиях сновидения и невроза, т. е. тогда, когда процессы более высокой системы Ubw, благодаря понижению (регрессии), переводятся на более раннюю ступень. Сами по себе они незаметны и неспособны к существованию, потому что система Ubw очень рано покрывается Vbw, которая овладевает подступом к сознанию и к двигательной сфере. Отток энергии системы Ubw переходит в виде телесной иннервации к развитию аффекта, но, как мы слышали, и этот путь к разрежению у него оспаривает Vbw. Сама по себе при нормальных условиях система Ubw не могла бы произвести ни одного целесообразного мускульного действия, за исключением организованных уже в рефлексы.

Полное значение описанных признаков системы Ubw может стать нам ясным только тогда, когда мы противопоставим их свойствам системы Vbw и сравним одни с другими. Однако это завело бы нас так далеко, что я предлагаю опять согласиться на отсрочку и приступать к сравнению обеих систем только в связи с исследованием высшей системы. Теперь же упомянем только о самом необходимом.

В процессах системы Vbw - безразлично, осознаны ли они уже или только могут быть осознаны - имеется склонность к задержке способности к оттоку энергии от действенных представлений. Если процесс переходит с одного представления на другое, то первое представление сохраняет часть своей активной силы и только небольшая часть этой силы

[3] См. изложенное в главе VII толкование сновидений, основывающееся на высказанных J. Breuer'ом идеях в «Studien uber Hysteric».

претерпевает сдвиг. Сдвиг и сгущение, подобные тем, какие бывают при первичном процессе в Vbw, исключаются или очень ограничены. Это обстоятельство побудило J. Breuer'a допустить два различных состояния активной энергии душевной жизни; одну - тонически связанную, и другую - свободно подвижную, стремящуюся к выходу. Я полагаю, что это различие составляет до настоящего времени глубочайшее понимание нами сущности нервной энергии, и не вижу, как можно обойтись без него. Для метапсихологического описания является необходимой потребностью - но, может быть, еще слишком рискованным предприятием - продолжать дискуссию по этому вопросу.

В системе Vbw создается возможность сообщения между содержанием представлений с целью оказывать влияние друг на друга, создаются расположения этих представлений во временном порядке, организация одной или нескольких цензур, испытание реальности и принцип реальности. Также и сознательная память зависит, по-видимому, от Vbw; ее необходимо строго отличать от следов воспоминаний, в которых зафиксированы переживания Ubw. Память соответствует, вероятно, особой записи вроде той, которую мы хотели было допустить для изображения зависимости между сознательными и бессознательными представлениями, но сейчас же отказались от этого. В связи с этим мы получим средство покончить с наименованием высшей системы, которую мы теперь, за отсутствием точных указаний, называем то Vbw, то Bw.

Теперь своевременно высказать предупреждение - не обобщать слишком поспешно того, что мы открыли относительно распределения душевной деятельности между обеими системами. Мы описываем обстоятельства так, как они проявляются у зрелого человека, у которого система Ubw, строго говоря, функционирует только как предварительная ступень высшей организации. Из нашего описания не следует делать вывода о том, какое содержание имеет эта система, каково ее отношение в период индивидуального развития и какое значение она имеет у животного; это должно составить предмет самостоятельного исследования. Но мы должны считаться с возможностью найти и у человека такие болезненные условия, при которых меняется содержание и признаки обеих систем или даже когда они совершенно заменяют одни других.

СООБЩЕНИЕ МЕЖДУ ОБЕИМИ СИСТЕМАМИ. ПРОДУКТЫ UBW

Было бы неверно представить себе, что Ubw остается в покое, тогда как вся психическая работа проделывается в Vbw, что Ubw представляет собою нечто такое, с чем уже покончено, - рудиментарный орган, остаток после завершенного развития. Не менее ошибочно было бы предполагать, что сообщение между двумя системами ограничивается актом вытеснения, благодаря которому Vbw сбрасывает в пропасть Ubw все, что ему кажется

помехой. Ubw живет, развивается и поддерживает с Vbw целый ряд связей; между прочим, они иногда действуют и совместно. Обобщая, следует сказать: Ubw продолжает свое существование в так называемых отпрысках (Alkommlinge), оно доступно воздействию жизни, всегда влияет на Vbw и, со своей стороны, даже подвергается влияниюVbw.

(2)Обсуждение другого значительного преимущества Ubw мы оставляем до другого раза.

Изучение отпрысков Ubw разочарует нас в нашей надежде на схематически строгое разделение между обеими психическими системами. Это, наверное, вызовет неудовольствие результатами нашей работы и, вероятно, будет использовано для того, чтобы подвергнуть сомнению ценность нашего способа подразделять психические процессы. Однако мы укажем, что не ставили себе другой задачи, как только обратить в теорию результаты наблюдений, но отказываемся от обязательства с самого начала создать теорию, подкупающую своей простотой. Мы отстаиваем ее осложнения, поскольку они соответствуют наблюдениям, и не отказываемся от надежды, что именно эти осложнения приведут нас к окончательному познанию истинного положения вещей, простому по существу, но соответствующему осложнениям реальности.

Между отпрысками Ubw влечений описанного характера встречаются некоторые, соединяющие в себе противоположные назначения. С одной стороны, они высокоорганизованы, свободны от противоречий, использовали все достижения системы Bw и, по нашему суждению, мало чем отличаются от этой системы. С другой стороны, они бессознательны и неспособны стать сознательными. Качественно они принадлежат, таким образом, системе Vbw, а фактически - Ubw. Происхождение их остается решающим моментом, определяющим их участь. Их можно сравнить с потомками от смешанных браков разных человеческих рас, в общем уже совсем похожими на белых, но выдающими свое цветное происхождение той или другой странной чертой и потому остающихся исключенными из общества и лишенными всех преимуществ белых. Таковы фантазии нормальных и невротиков, в которых мы открыли предварительную ступень сновидений и образований симптомов и которые, несмотря на свою высокую организацию, остаются вытесненными и не могут быть осознанными. Они приближаются к сознанию и не испытывают помехи, пока у них нет интенсивной активной силы, но отбрасываются назад от сознания, как только их активность переходит за определенную степень. Точно такие же, более высокоорганизованные отпрыски Ubw представляют из себя заменяющие образования, которым, однако, удалось прорваться к сознанию благодаря какому-нибудь благоприятному взаимоотношению, как, например, благодаря совпадению с V b w.

Если мы в другом месте подробнее исследуем условия процесса осознания, то сможем разрешить часть возникающих здесь затруднений. Теперь нам кажется уместным противопоставить способу рассмотрения вопроса, исходящему из бессознательного, которого мы придерживались до сих пор, - противоположный, исходящий из сознания.

Сознанию противопоставляется вся сумма психических процессов как область пред-сознательного. Очень большая часть этого предсознательного исходит из бессознательного, носит характер его отпрысков и прежде, чем быть осознанной, должна быть подвергнута цензуре. Другая часть V b w способна проникнуть в сознание без цензуры. Здесь мы впадаем в противоречие с прежним предположением. При рассмотрении вопроса о вытеснении мы были вынуждены поместить цензуру, решающую вопрос об осознании, между Ubw и Vbw. Теперь мы готовы допустить цензуру между Vbw и B w. Однако мы поступим правильно, если не увидим в этом осложнении большой трудности, а допустим, что каждому переходу от одной системы в ближайшую высшую, т. е. каждому шагу вперед к высшей ступени психической организации, соответствует новая цензура. Благодаря этому, однако, совершенно отпадает предположение о беспрерывном обновлении записей.

Причину всех этих трудностей нужно искать в том, что момент осознанности, единственный непосредственно данный нам признак психических процессов, никоим образом не годится для того, чтобы стать и признаком различия систем. Независимо от того, что сознательное не всегда сознается, а временно бывает также латентным, наблюдение показало нам, что многое, обладающее качествами системы Vbw, не становится сознательным; кроме того, нам предстоит еще узнать, что осознание ограничивается еще известным направлением сознательного внимания. Сознание не находится, таким образом, в прямых отношениях ни к системам, ни к вытеснению. В действительности не только психически вытесненное остается чуждым сознанию, но также и часть господствующих в нашем «Я» душевных движений, т. е. самое сильное, - функциональная противоположность вытесненного. По мере того как мы продвигаемся к метапсихологическому пониманию душевной жизни, мы должны научиться эмансипироваться от значения симптома «сознательность».

Пока мы не освободились от этого симптома, мы всегда видим, что наши обобщения нарушаются исключениями. Мы видим, как отпрыски Vbw становятся сознательными в виде заменяющих образований симптомов, обычно после того, как подверглись большим искажениям в сравнении с бессознательным, но часто сохраняя многие признаки, подлежащие вытеснению. Мы находим, что много предсознательных образований остаются бессознательными, хотя они, по нашему мнению, по природе своей вполне могли бы быть осознанными. Вероятно, на них сказывается более сильное притяжение со стороны Ubw. Мы вынуждены искать более важное различие между предсознательным и бессознательным, а не между сознательным и предсознательным. Ubw не допускается цензурой на границе с Vbw, но отпрыски Ubw могут обойти эту цензуру, приобрести высокую организацию, возрасти в Vbw до известной интенсивности активной силы, но тут, когда они, перейдя через известную границу этой интенсивности, пытаются проникнуть в сознание, открывается их

происхождение из Ubw, и на новой пограничной цензуре между Vbw и Bw они снова подвергаются вытеснению. Первая цензура функционирует против самого Ubw, а последняя - против предсознательных отпрысков Ubw. Можно было бы подумать, что в течение индивидуального развития цензура продвинулась немного вперед.

Во время психоаналитического лечения мы приводим неопровержимое доказательство существования второй цензуры между системами Vbw и Bw. Мы требуем от больного, чтобы он воспроизводил большое количество отпрысков Ubw, обязываем его преодолевать возражения цензуры против осознания этих предсознательных образований и победой над этой цензурой пробиваем себе путь к устранению вытеснения, являющегося делом рук прежней цензуры. Присоединим сюда замечание, что существование цензуры между Vbw и Bw напоминает нам о том, что осознание не является простым актом восприятия, а, вероятно, следствием усиленной концентрации активной силы (Uberbesetzung), дальнейшим успехом психической организации.

Обратимся теперь к вопросу о сообщении бессознательного с другими системами, не столько для того, чтобы открыть нечто новое, сколько для того, чтобы не пропустить самого очевидного. В истоках деятельности влечений больше всего сообщаются между собой системы. Часть возникших здесь процессов проходит через Ubw, как через подготовительную ступень, и достигает высшего психического развития в Bw, другая часть задерживается как Ubw. Но Ubw достигают также переживания, исходящие из внешних восприятий. Все пути от восприятия к U b w остаются обыкновенно свободными; только пути, ведущие от Ubw дальше, преграждаются вытеснением.

Замечательно, что Ubw одного человека может непосредственно влиять на Ubw другого, обойдя его Bw. Этот факт заслуживает подробного исследования особенно в том отношении, исключилась ли совершенно при этом предсознательная деятельность; но факт неоспорим и заслуживает точного описания.

Содержание системы Vbw (или Bw) происходит отчасти от деятельности влечений (через посредство Ubw), отчасти из восприятий. Подлежит еще сомнению, в какой мере процессы этой системы могут оказывать непосредственное влияние на Ubw; исследование патологических случаев часто доказывает невероятную самостоятельность Ubw и неподатливость его влиянию других систем. Болезни характеризуются вообще полным расхождением стремлений, абсолютным распадом обеих систем. Однако психоаналитическое лечение построено на воздействии на Ubw через Bw и во всяком случае показывает, что такое воздействие не невозможно, хотя и удается с большим трудом. Отпрыски бессознательного, являющиеся посредственным звеном между обеими системами, прокладывают путь для такой психоаналитической работы, но мы допускаем, что изменение Ubw, протекающее самостоятельно под влиянием Bw, представляет собой трудный и

длительный процесс.

Сотрудничество предсознательного и бессознательного, даже интенсивно вытесняемого душевного движения, может иметь место, если создается такая ситуация, что бессознательное душевное движение оказывает действие, одинаковое по смыслу с каким-нибудь господствующим в сознании стремлением. В этом случае вытеснение прекращается и вытесненная активность принимается как усиление намерений «Я». Бессознательное по отношению к этой одной только констеляции находит оправдание со стороны «Я» без того, чтобы что-нибудь изменилось в вытесненном бессознательном. При таком сотрудничестве успех, одерживаемый Ubw, очевиден; усиленные стремления проявляются все-таки иначе, чем нормальные: они создают способность к исключительной по совершенству деятельности и проявляют такую же сопротивляемость, против возражений, как навязчивые симптомы.

Содержание Ubw можно сравнить с психическими аборигенами. Если у человека имеются унаследованные психические образования, нечто аналогичное инстинкту животных, то это составляет ядро бессознательного. К ядру позже присоединяется все устраненное в период детского развития из сознания как недопустимое, по природе своей ничем не отличающееся от унаследованного. Резкое и окончательное разделение содержания обеих систем обыкновенно устанавливается только к наступлению половой зрелости.

УЗНАВАНИЕ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО

Изложенными выше рассуждениями исчерпывается все, что можно сказать об Ubw, поскольку пользуешься материалом только из знакомства со сновидением и неврозами перенесения. Это, безусловно, немного, местами производит впечатление неясного и спутанного и оставляет желать возможности привести Ubw в классификационную связь с уже известным или ввести его в состав уже знакомого. Только анализ заболеваний, названных нами нарциссическими психоневрозами, обещает нам открыть необходимые точки зрения, благодаря которым загадочное Ubw станет нам более знакомым, как бы легко осязаемым.

Со времени работы Abraham'a (1908 г.), повод к которой добросовестный автор приписывает мне, мы пытаемся характеризовать Dementia praecox Kraepelin'a (Schizophrenia Bleuler'a) ее отношением к противоположности между «Я» и объектом. При неврозах перенесения (истерии страха и конверсионной истерии, неврозе навязчивости) не было ничего такого, что могло бы выдвинуть на первый план это противоречие. Правда, было известно, что невозможность овладеть объектом ведет к возникновению невроза и что невроз

влечет за собой отказ от реального объекта, а также что отнятое у реального объекта либидо возвращается к воображаемому объекту и дальше к вытесненному - Introversio. Но привязанность к объектам вообще удерживается при этих болезнях с большой энергией, и более детальное изучение процесса вытеснения показало нам, что в системе Ubw, несмотря на вытеснение или, правильнее, - вследствие его - сохраняется привязанность к объектам. Способность к перенесению чувств, которые мы используем при этих заболеваниях с терапевтической целью, предполагает ненарушенную привязанность к объектам.

При шизофрении же мы вынуждены были остановиться на предположении, что после процесса вытеснения отнятое у объектов либидо не ищет нового объекта, что в данном случае, следовательно, привязанность к объектам прекращается и снова восстанавливается примитивное состояние нарциссизма, при котором нет объектов. Неспособность этих пациентов к перенесению чувств - поскольку распространен процесс болезни, - вытекающая отсюда их недоступность для терапии, свойственное им отрицание внешнего мира, проявляющиеся признаки преувеличенной привязанности к собственному «Я», конечная апатия в последней фазе болезни - все эти клинические признаки как будто прекрасно подтверждают предположение об отказе от привязанности к объектам. Что касается взаимоотношения обеих систем, то всем наблюдателям бросилось в глаза, что при шизофрении высказывается вполне сознательно много такого, что при неврозах перенесения должно было быть открыто в бессознательном при помощи психоанализа. Но сначала не удавалось установить понятную связь между взаимоотношением «Я» - объект и относительной степенью сознания.

Искомая связь, как кажется, открывается следующим неожиданным путем. При шизофрении можно наблюдать, особенно в поучительных начальных стадиях, определенные изменения языка, из которых некоторые заслуживают рассмотрения с определенной точки зрения. Способ выражения часто становится предметом особой заботливости, он становится «неестественным», «манерным». В фразах проявляется особая дезорганизация построения, благодаря которой они становятся непонятными, так что мы считаем речи больных нелепыми. В содержании этих речей на первый план часто выдвигаются отношения к органам или иннервациям тела. К этому можно еще прибавить, что в подобных симптомах шизофрении, соответствующих истерическим или навязчивым, заменяющим образованиям, отношения между заменяющим и вытесненным показывают особенности, которые нас удивили бы при обоих упомянутых неврозах.

Доктор V. T a u s k (Вена) предоставил в мое распоряжение некоторые из своих наблюдений над начальными стадиями шизофрении, которые отличаются тем преимуществом, что больная сама еще охотно объясняла свои речи. На двух из его примеров покажу, какой взгляд я собираюсь защищать; впрочем, я ничуть не сомневаюсь, что всякому

наблюдателю будет нетрудно раздобыть такой материал в большом количестве.

Одна больная Tausk'a, девушка, попавшая в клинику после ссоры со своим возлюбленным, жалуется: «Глаза стоят неправильно, они отведены (Die Augen sind nicht richtig sie sindverdreht)». Она сама это объясняет, в совершенно связной речи, рядом упреков по адресу возлюбленного. «Она его совсем не может понять, всякий раз у него другой вид, он — льстец, он отводит г л а з а (ein Augen verdreher), он отвел ей глаза, теперь у нее отведенные глаза, у нее уже больше не ее глаза, она смотрит на свет другими глазами».

То, что больная говорит по поводу своей непонятной речи, равноценно анализу, так как содержит эквивалент этой речи в общепонятных выражениях; в то же время ее слова объясняют значение и происхождение шизофренического словообразования. В согласии с Tausk'ом я подчеркиваю в этом примере то, что отношение к органу (глазу) замещает все содержание речи. Шизофреническая речь имеет здесь ипохондрическую черту - она стала языком органов.

Другое заявление этой же больной: «Она стоит в церкви, вдруг она чувствует толчок, она должна стать иначе (Sich anders stellen), как будто ее кто-то поставил (als stellte sie jemand), как будто она поставлена (als wiirde sie gestellt)».

К этому относится анализ целого ряда упреков по адресу возлюбленного: «Он пошляк, сделавший ее, такую утонченную по своему воспитанию, также пошлой. Он сделал ее похожей на себя, так как убедил ее, что превосходит ее; теперь она стала такой же, как он, потому что думала, что станет лучше, если будет похожа на него. Он представлялся (скрывался — er hat sich verstellt), теперь она такая же, как и он (идентификация!), он ее подменил (er hat sie verstellt)».

Движение, состоящее в том, что «она иначе» стала, — замечает Tausk — является изображением слова «представляться» и отождествлением с возлюбленным. Я опять подчеркиваю преобладание того элемента из всего хода мыслей, который имеет своим содержанием телесную иннервацию (правильнее, ощущение этой иннервации). Истеричка в первом случае судорожно бы закатила глаза, во втором - действительно произвела бы толчок, вместо того чтобы почувствовать импульс к этому или ощущение этого, и в обоих случаях у нее не было бы сознательной мысли об этом и впоследствии она не в состоянии была бы высказывать такие мысли.

Вот что показывают оба наблюдения по поводу того, что мы назвали ипохондрическим языком органов. Но, что нам кажется более важным, они указывают и на другое положение вещей, которое очень часто можно доказать, например, на собранных в монографии Bleuler'a случаях, и которое можно выразить в определенной формуле. При шизофрении слова подвергаются тому же процессу, который делает из латентных мыслей сновидения картины сновидения и который мы назвали первичным психическим процессом.

Они подвергаются сгущению и при помощи сдвига передают одно другому без остатка свои активные энергии; процесс может пойти так далеко, что единственное слово может заменить целую цепь мыслей, если только это слово пригодно к этому благодаря своей многозначности. Работы B1euIer'a, Jung'a и их учеников содержат много материала, доказывающего именно это положение.[4]

Прежде чем мы сделаем вывод из этих впечатлений, упомянем еще о тонком, но производящем странное впечатление различии между шизофреническими и истерическими и навязчивыми, заменяющими образованиями. Пациент, которого я в настоящее время наблюдаю, отвлечен от всех жизненных интересов дурным состоянием кожи на своем лице. Он утверждает, что на лице у него угри и глубокие дыры, видные всякому. Анализ доказывает, что он разыгрывает на своей коже свой кастрационный комплекс. Сначала он без всякого раскаяния возился со своими угрями, выдавливание которых доставляло ему большое удовольствие, потому что, как он говорил, при этом кое-что выбрызгивалось. Затем он начал думать, что всюду, где он удалял угри, образовалась ямка, и он делал себе жесточайшие упреки за то, что вследствие «постоянной возни с рукой» он навсегда испортил себе кожу. Совершенно очевидно, что выжимание содержимого угрей заменяло ему онанизм. Затем образующаяся по его вине ямка, представляет собой женские гениталии, т. е. осуществление вызванной онанизмом угрозы кастрации (или заменяющие ее фантазии). Это заменяющее образование, несмотря на свой ипохондрический характер, имеет много сходства с истерической конверсией, и все же здесь чувствуется, что в данном случае происходит что-то другое, что нельзя допустить подобного заменяющего образования при истерии, еще до того, как возможно указать, на чем основано это различие. Маленькую ямочку, вроде кожной поры, истерик вряд ли превратит в символ вагины, которую он обычно сравнивает со всевозможными предметами, заключающими какую-нибудь полость. Мы также полагаем, что большое количество ямочек удержит его от того, чтобы заменить ими женские гениталии. То же можно сказать об одном юноше-пациенте, о котором Tausk несколько лет тому назад сделал сообщение в Венском психоаналитическом обществе. Он держал себя обычно совсем как страдающий навязчивостью, часами совершал свой туалет и т. п. Но странным было у него то, что он мог без всякого сопротивления рассказывать о значении своих задержек. При натягивании чулок, например, ему мешала мысль, что он может растянуть сеть ткани, т. е. дырки, а каждая дырка имела для него значение символа женских половых отверстий. И этого нельзя допустить у страдающего навязчивостью. Такой больной, которого наблюдал R.Reitler, страдавший тем, что также испытывал задержки при

[4] Иногда работа сновидений обращается со словами как с вещами и создает тогда очень похожие «шизофренические» речи или новообразования слов.

надевании чулок, нашел, после того как преодолел сопротивление, объяснение: что нога является символом penis'a, а натягивание чулка - онанистическим актом; и он должен был беспрерывно надевать и снимать чулок отчасти для того, чтобы усовершенствовать картину онанизма, отчасти, чтобы отрицать, что он совершал его.

Если мы себя спросим теперь, что придает странный характер шизофреническому заменяющему образованию и симптому, то поймем, наконец, что это делает преобладание словесных отношений над предметными. Между выдавливанием угря и эякуляцией из penis'a имеется очень маленькое предметное сходство, и еще меньшее - между бесчисленными мелкими порами кожи и вагиной; но в первом случае и тот и другой раз выбрызгивается что-то, а ко второму случаю дословно подходит циничная фраза: «дырка есть дырка». Сходство словесного выражения, а не сходство обозначаемых вещей предписывает замену. Там, где слово и вещь не совпадают, шизофреническое заменяющее образование отличается от такового при неврозах перенесения.

Приведем этот взгляд в связь с предположением, что при шизофрении исчезает привязанность к объектам. В таком случае мы должны изменить: привязанность к словесным представлениям объектов сохраняется. То, что мы можем назвать сознательным представлением об объекте, распадается для нас теперь на словесное представление и предметное представление, состоящие в активности, если не непосредственных образов воспоминания о предметах, то, по меньшей мере, более отдаленных, отходящих от них следов воспоминаний. Тут мы вдруг узнаем, чем отличается сознательное представление от бессознательного. И то и другое являются не различными, как мы думали, записями того же содержания в различных психических местах и не различными функциональными состояниями активности в одном и том же месте, а сознательное представление обнимает предметное представление плюс соответствующее словесное представление, бессознательное - состоит только из одного предметного представления. Система Ubw содержит предметные активные силы объектов, первые действительные привязанности к объекту; система Vbw образуется благодаря тому, что активность этих предметных представлений возрастает вследствие связи с соответствующими представлениями. Такие именно усиления активной силы, как мы можем предполагать, создают более высокую психическую организацию и делают возможной замену первичного процесса господствующим в Vbw вторичным процессом. Теперь мы можем также точно выразить, в чем именно отказывает вытеснение при неврозах перенесения отвергнутому представлению: выражению словом, которое должно содержаться связанным с объектом. Невыраженное словом представление или не обладающий усиленной активностью психический акт остается тогда в Ubw - как вытесненный.

Я должен обратить внимание, как давно уже нам было известно то, благодаря чему

нам теперь понятен один из самых странных признаков шизофрении. На последней странице опубликованного в 1900 г. «Толкования сновидений» указывается, что мыслительные процессы, т. е. наиболее отдаленные от восприятий процессы активирования, сами по себе качественно безразличны, бессознательны и получают способность становиться сознательными только благодаря связи с остатками словесных восприятий. Словесные представления, в свою очередь, происходят от чувственных восприятий таким же образом, как и предметные представления, так что возникает вопрос, почему представления объектов не могут быть осознаны посредством их же собственных остатков восприятий. Но, вероятно, мышление происходит в процессах столь отдаленных от первоначальных остатков восприятий, что они ничего больше не получают от их качеств и нуждаются в усилении новыми качествами для того, чтобы стать сознательными. Кроме того, благодаря создающейся связи со словами качество могут приобрести и такие активные представления (Besetzungen), которые не получили никакого качества от восприятий, потому что соответствуют только взаимоотношению между объектами. Такие, только благодаря словам, ставшие уловимыми взаимоотношения составляют главную часть наших мыслительных процессов. Мы понимаем, что вступление в связь со словесными представлениями еще не совпадает с осознанием, а создает только возможность его, что оно, следовательно, характеризует только систему Vbw. Но тут мы замечаем, что с этими соображениями мы отступаем от нашей настоящей темы и попадаем в самую суть проблем предсознательного и бессознательного, которые мы считаем более целесообразными отложить от специального исследования.

Относительно шизофрении, которой мы здесь касаемся лишь постольку, поскольку нам это кажется необходимым для общего ознакомления с Ubw, у нас возникает сомнение, имеет ли процесс, названный вытеснением при этом заболевании, вообще что-нибудь общее с вытеснением при неврозах перенесения. Формула, что вытеснение - процесс, происходящий между системами Ubw и Vbw (Bw) и ведущий к устранению вытесненного из сознания, нуждается, во всяком случае, в изменении, чтобы ее можно было распространить и на Dementia praecox, и на другие нарциссические заболевания. Но в общем все же остается попытка к бегству «Я», выражающаяся в отнятии сознательных привязанностей. Уже самое поверхностное соображение показывает, насколько глубже и основательнее это бегство «Я» при нарциссических неврозах.

Если при шизофрении это бегство состоит в отнятии активной силы влечений в тех местах, которые заняты бессознательными представлениями объектов, то странным кажется, что относящаяся к системе Vbw часть тех же представлений объектов - соответствующие им словесные представления - приобретают более интенсивную активность. Скорее следовало бы ожидать, что словесные представления в качестве предсознательной части этих

бессознательных представлений объектов должны принять первый удар вытеснения и лишиться совершенно своей активности, раз вытеснение дошло до бессознательных предметных представлений. Во всяком случае это довольно трудно понять. Это объясняется тем, что восстановление активности словесных представлений не относится к акту вытеснений, а является первой попыткой к исцелению или выздоровлению, которая так явно преобладает в клинической картине шизофрении. Попытки последнего рода стремятся вновь овладеть утерянными объектами и весьма возможно, что с этой целью они направляются к объекту через словесную его часть; но тут они вынуждены, однако, удовлетвориться словами вместо предметов. Наша душевная деятельность вообще развивается в двух противоположных направлениях: или от влечений через систему Ubw к сознательному мышлению, или под влиянием внешних возбуждений через систему Ubw и Bw до бессознательных активных представлений (Be-setzungen) «Я» и объектов. Этот второй путь, несмотря на имевшее место вытеснение, должен оставаться свободным, и некоторая часть его остается открытой для попыток невроза снова овладеть объектами. Когда мы мыслим абстрактно, нам грозит опасность пренебречь взаимоотношениями между словами и бессознательными предметными представлениями, и нельзя отрицать, что наше философствование в таких случаях приобретает нежелательное сходство по содержанию и форме выражения с мыслительной работой шизофреников. С другой стороны, можно попытаться охарактеризовать образ мышления шизофреников в виде оперирования в мыслях над конкретными предметами, как если бы они были отвлеченными.

Если мы действительно верно распознали Ubw и правильно определили различие бессознательного представления от предсознательного, то наши исследования, исходящие из ряда других областей, должны привести нас к такому же взгляду.